

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.21

Original article

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич
Пятый кассационный суд общей юрисдикции,
Пятигорск, Россия,
e-mail: spirid0n0v.ms@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-2715-8912>

SPIRIDONOV Mikhail Sergeevich
Fifth General Court of Cassation,
Pyatigorsk, Russia.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

PROCEDURAL LIABILITY IN CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: INTEGRATION PROSPECTS

Аннотация. Институт процессуальной ответственности как одно из средств правовой охраны норм процессуального права в той или иной степени оформился практически в каждой процессуальной отрасли права. При этом отраслевые виды процессуальной ответственности обладают как индивидуальными чертами, характерными для конкретной отрасли права, так и общими, присущими данному правовому явлению в целом. Основное внимание исследователей процессуальной ответственности направлено именно на проблемные вопросы внутри отдельных процессуальных отраслей. В то же время процессуальная ответственность представляет особый интерес и с точки зрения межотраслевого исследования, поскольку такой подход на основе выявленных отраслевых закономерностей существования данного правового института позволяет выработать его общие базовые принципы и стандарты, унифицировать понятийный аппарат, разработать меры по совершенствованию законодательства и судебной практики. Этим обусловлена актуальность темы настоящего исследования. Цель: сравнительный межотраслевой анализ института процессуальной ответственности с позиций доктринального и правоприменительного подходов. Методологическую основу исследования составляет единство всеобщего, общенаучных и специально-юридических методов, в том числе абстрактно-логического, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального. Результаты: выявлены общие подходы к определению понятия и содержания процессуальной ответственности в таких отраслях права, как уголовный и административный процесс. На основе анализа законодательства, правовых позиций Пленума Верховного

Abstract. The institution of procedural liability as a means of protecting procedural law has been formed to some extent in almost every procedural branch of law. At the same time, branch types of procedural liability have both individual features characteristic of a particular branch of law and general features inherent in this legal phenomenon as a whole. The main attention of researchers of procedural liability is directed precisely at problematic issues within individual procedural branches. At the same time, procedural liability is of special interest from the point of view of interbranch research, because such an approach on the basis of the revealed branch regularities of existence of this legal institution allows to develop its general basic principles and standards, to unify the conceptual apparatus, to develop measures to improve the legislation and judicial practice. This determines the relevance of this study. Purpose: to carry out a comparative interbranch analysis of the institution of procedural liability from the positions of doctrinal and law enforcement approaches. Methods: the methodological basis of the study is the unity of universal, general scientific and special-legal methods of legal science, including abstract-logical, comparative-legal, formal-legal, structural-functional. Results: the article reveals general approaches to the definition of the concept and content of procedural liability in such branches of law as criminal procedure and administrative procedure. Based on the analysis of legislation, legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and examples of judicial practice, the article

Суда РФ и примеров судебной практики обосновано положение о том, что сложились достаточные предпосылки для сближения и унификации института процессуальной ответственности в уголовном и административном судопроизводстве. На основании того, что в уголовном и административном процессах вопрос о конкуренции между процессуальной и материальными видами ответственности решается схожим образом, сделан вывод о необходимости разработки проблем такого значения именно на межотраслевом уровне.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, меры процессуального принуждения, отрасли процессуального права, процессуальное правонарушение, основания ответственности, меры ответственности, процессуальные санкции, конкуренция ответственности, уголовное судопроизводство, административное судопроизводство

Для цитирования: Спиридонов М.С. Процессуальная ответственность в уголовном и административном судопроизводстве: перспективы интеграции / М.С. Спиридонов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 195–204.

substantiates the position that there are sufficient prerequisites for convergence and unification of the institution of procedural liability in criminal and administrative proceedings. On the basis of the fact that in criminal and administrative proceedings the issue of competition between procedural and substantive types of liability is solved in a similar way, the article concludes that it is necessary to develop problems of such significance precisely at the interbranch level.

Keywords: procedural liability, measures of procedural coercion, branches of procedural law, procedural offence, grounds of liability, measures of liability, procedural sanctions, competition of liability, criminal proceedings, administrative proceedings

For citation: Spiridonov M.S. Procedural Liability in Criminal and Administrative Proceedings: Integration Prospects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 195–204. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.21.

ВВЕДЕНИЕ

Разработку теории юридической ответственности можно отнести к одной из самых сложных проблем правовой науки. Ее современное состояние, по меткому выражению Г.А. Бученкова, можно охарактеризовать как «непродуктивный плюрализм мнений» [1, с. 106]. Эта характеристика вполне применима и к научному исследованию такой разновидности юридической ответственности, как процессуальная ответственность.

Одним из факторов крайней разобщенности научных подходов к изучению процессуальной ответственности является отсутствие единого процессуального или судебного права, в силу чего направления исследований в основной своей массе сосредоточены на разработке проблем ответственности внутри отдельных процессуальных отраслей, без выхода в смежные процессуальные отрасли. В качестве положительного примера межотраслевого подхода можно указать работу Г.Н. Ветровой [2]. Между тем актуальных исследований процессуальной ответственности аналогич-

ного масштаба и значения нет. В то же время, как убедительно показала А.Р. Шарипова [3, с. 19–20], межотраслевая компаративистика как метод исследования имеет важные преимущества в решении научных задач.

В целях восполнения указанного пробела представляется возможным на примере уголовного и административного процессов проследить доктринальные, законодательные и правоприменительные подходы к понятию и содержанию процессуальной ответственности, сопоставить их и найти точки соприкосновения, которые могли бы стать исходными пунктами для межотраслевой интеграции. Указанные виды процесса, в силу публично-правового характера отношений, в связи с которыми они реализуются, можно назвать, в терминологии С.С. Алексеева, «зонами интенсивного юридического регулирования» [4, с. 215]. Это дает основания для предположения, что указанная особенность данных процессуальных отраслей отражается и на характеристике процессуальной ответственности. Проверка этой гипотезы обусловила выбор названных отраслей процесса для целей настоящего исследования.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Исходным для всех исследователей уголовно-процессуальной ответственности, если опустить вопрос о ее позитивном аспекте (или, иначе, добровольной форме реализации ответственности), является утверждение, что она по своему содержанию не поглощается мерами уголовно-процессуального принуждения, поскольку как минимум цели их применения различны: принуждение – для пресечения нарушений закона и обеспечения условий реализации задач процесса; ответственность – для реализации санкции за нарушение закона. Также находит общее одобрение мысль о том, что ответственность за нарушения участниками процесса требований уголовно-процессуального закона регулируется в первую очередь внутриотраслевыми нормами, поскольку изначально эти нарушения несут опасность именно для процессуальных правоотношений, именно им причиняют вред, и лишь потом она регулируется нормами других отраслей права, если опасность такого состоявшегося нарушения выходит за пределы уголовного процесса и вред причиняется и другим общественным отношениям [3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Наиболее распространенным при этом является подход к пониманию уголовно-процессуальной ответственности как негативной реакции государства на нарушение требований уголовно-процессуального закона (процессуальное правонарушение), которое влечет неблагоприятные последствия для правонарушителя (реализация санкции), или как обязанности правонарушителя в сфере уголовного судопроизводства претерпеть неблагоприятные последствия в виде осуждения и правоограничений личного или имущественного характера.

Важно отметить, что концепция уголовно-процессуальной ответственности с момента ее возникновения и до настоящего времени существует в условиях отсутствия в УПК РФ соответствующего понятия и содержания этого правового института. При этом невозможно говорить, что это сугубо абстрактная теория. Напротив, она является результатом глубокого осмысления реально существующих правовых явлений.

Стоит отметить, что большое влияние на доктринальный подход к вопросу о выделении административно-процессуальной ответственности в самостоятельный вид оказало принятие в 2015 г. КАС РФ. В предшествующий период превалярующим был подход об отсутствии для этого оснований [16; 17; 18]. Эта точка зрения, как в силу научного авторитета ее авторов, так и в силу убедительности приводимых ими аргументов, основанных на толковании положений КоАП РФ, находила сторонников даже после принятия КАС РФ [19]. Следует чуть подробнее остановиться на этих аргументах.

Так, критика П.П. Серковым процессуальной ответственности обращена к такому ее фактическому основанию, как нарушение порядка в судебном заседании. Автор справедливо отмечает тождество характера противоправных действий, нарушающих порядок судебного заседания, применительно к каждому виду судопроизводства (уголовного, гражданского, административного), поскольку в любой процессуальной отрасли есть нормы, регулирующие отношения, связанные с обеспечением правопорядка в судебном заседании. При этом указанное тождество он связывает не с единством юрисдикционного процесса, в основе которого некоторые авторы видят общность предмета правового регулирования – деятельности по отправлению правосудия [20, с. 24–31], и необходимостью одинаково регулировать схожие правоотношения в разных процессуальных отраслях, а с административной противоправностью любого нарушения порядка в судебном заседании, поскольку объектом такого посягательства являются интересы правосудия. Схожую аргументацию приводит и М.К. Треушников, считая, что состав правонарушения, выражающегося в нарушении порядка в судебном заседании, предусмотрен ст. 17.3 КоАП РФ и охватывает все формы судопроизводства.

Приведенная позиция не является безупречной, что, по-видимому, признают и сами ее авторы, так как объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.3 КоАП РФ, является установленный порядок деятельности судов, а не порядок в судебном заседании по конкретному делу любой формы судопроизводства. Кроме того, рассмотрение процессуальной ответственности только

на примере одного состава правонарушения вряд ли позволяет говорить об объективности полученных выводов. При этом за весь период действия гл. 17 КоАП РФ так и не стала юридическим основанием ответственности за правонарушения, посягающие на нормы процессуальных отраслей права, что отчетливо прослеживается в судебной практике, в частности по применению денежного взыскания, о чем подробно говорится в недавней публикации Н.С. Каштановой [21].

В стремлении преодолеть обозначенную проблему ряд авторов, основываясь на анализе положений гл. 11 КАС РФ, убедительно обосновали, что одной из форм реализации административно-процессуального принуждения является административно-процессуальная ответственность, в качестве мер которой применяются: ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова, предупреждение и удаление из зала судебного заседания, судебный штраф [22; 23; 24]. Если обратиться к определению административно-процессуальной ответственности, которое разделяют указанные авторы, то оно совпадает с ранее приведенным определением уголовно-процессуальной ответственности. Общим является также вывод о том, что цель применения данной меры государственного принуждения – восстановление нормального хода судебного процесса и устранение каких-либо помех, возможностей влияния на суд и участников процесса. В административном процессе выделяются такие признаки процессуальной ответственности, как наличие субъекта, вовлеченного в административное судопроизводство, который за свои противоправные действия обязан претерпеть неблагоприятные последствия, то есть подвергнуться осуждению и предусмотренным нормами КАС РФ правоограничениям личного или имущественного характера.

Как видно, подход к пониманию процессуальной ответственности в административно-процессуальном праве не имеет каких-либо отраслевых особенностей в сравнении с уголовным процессом. В его основе лежит утверждение, что процессуальные нормы сами нуждаются в правовой охране. При этом отсутствие в КАС РФ, впрочем, как и в дру-

гих процессуальных кодексах, определения процессуальной ответственности не стало препятствием для развития теории административно-процессуальной ответственности. Напротив, можно уверенно говорить, что само принятие данного Кодекса стало сильным аргументом для сторонников этой концепции, и тем самым позиции двух отраслей процессуального права сблизились.

Анализ научных публикаций показывает, что в уголовном и административном процессе выделяют следующие признаки процессуальной ответственности:

- ее фактическим основанием выступает нарушение норм процессуального закона, но лишь такое, которое препятствует нормальному ходу процесса и отправлению правосудия;
- юридическим основанием процессуальной ответственности выступают только нормы процессуального права;
- применение мер процессуальной ответственности относится к компетенции суда;
- среди процессуальных санкций более чем денежное взыскание распространены восстановительные и ограничительные санкции.

Безусловно, есть и расхождения по некоторым вопросам. Например, о возможности применения денежного взыскания к лицу, в отношении которого ведется производство по делу (к обвиняемому), включении в число субъектов процессуальной ответственности должностных лиц, осуществляющих производство по делу. Несмотря на это, есть все основания говорить о предпосылках формирования единой теоретической концепции процессуальной ответственности в уголовном и административном процессе.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Уверенность в правильности утверждения о складывающейся единой межотраслевой концепции процессуальной ответственности подкрепляется анализом правоприменительного понимания этого правового явления, которое содержится, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел»¹. Согласно это-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

му постановлению действия (бездействие), выразившиеся в неисполнении связанного с рассмотрением и разрешением конкретного административного дела законного распоряжения судьи о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, влекут ответственность по специальным нормам гл. 11 КАС РФ. Оговорки здесь нет, и речь идет именно о процессуальной ответственности, поскольку далее, в п. 7, приводятся примеры конкретных составов процессуальных правонарушений:

- выступление участника судебного разбирательства по вопросам, не имеющим отношения к судебному разбирательству, то есть не связанным с административным делом в целом либо с отдельным рассматриваемым судом заявлением (ходатайством) по данному делу, влечет ограничение выступления такого участника;

- нарушение последовательности выступлений, двукратное неисполнение требований председательствующего, допущение грубых выражений или оскорбительных высказываний либо призывы к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом, влекут лишение слова;

- неисполнение участником судебного разбирательства требований председательствующего, использование им в ходе судебного заседания грубых выражений или оскорбительных высказываний либо призывы к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом, совершенные в период, когда ему не было предоставлено слово для выступления, влекут объявление предупреждения, удаление из зала судебного заседания.

Помимо приведенных выше довольно очевидных составов процессуальных правонарушений, посягающих на установленный порядок в судебном заседании, в судебной практике по административным делам можно встретить, например, неисполнение обязанности представить истребуемое судом доказательство, что влечет наложение судебного штрафа².

В уголовном процессе нарушение порядка в судебном заседании также влечет именно процессуальную ответственность. На это

Пленум Верховного Суда РФ указывает в п. 3 постановления от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»: «председательствующий... разъясняет ответственность за нарушение порядка в судебном заседании, предусмотренную статьей 258 УПК РФ»³. Как видно, и здесь использован именно термин «ответственность». То есть подход высшей судебной инстанции един: нарушение порядка в судебном заседании и в уголовном, и в административном процессе влечет ответственность, которая предусмотрена непосредственно процессуальным законом, а потому носит внутриотраслевой характер. Разница лишь в том, что КАС РФ, в сравнении с УПК РФ, более подробно закрепляет составы таких нарушений, что, соответственно, и позволило Пленуму Верховного Суда РФ развернуто разъяснить применение этих правовых норм.

Как и в административном процессе, нарушение порядка в судебном заседании не является единственным основанием применения процессуальной ответственности. Так, анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»⁴ позволяет увидеть следующие составы уголовно-процессуальных правонарушений (в широком значении):

- нарушение обвиняемым порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава, в зависимости от характера нарушений, влечет предупреждение о недопустимости такого поведения либо удаление из зала заседания на определенный период (абз. 2 п. 8);

- нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту влечет признание полученных доказательств недопустимыми, либо возврат уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, либо изменение или отмену судебного решения, либо вынесение частного определения (постановления) в адрес органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда (абз. 1 п. 18);

² Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.05.2024 № 66а-1186/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

– явно недобросовестное использование обвиняемым и защитником своих правомочий в ущерб интересам других участников процесса влечет отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника (абз. 2 п. 18).

Последний из указанных составов – это злоупотребление правом. Наличие уголовно-процессуальной ответственности за злоупотребление правом следует также из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в ряде определений⁵.

Некоторые из вышеуказанных составов и мер процессуальной ответственности во многом специфичны для каждого из рассматриваемых видов судопроизводства. Однако можно встретить примеры, когда в уголовном и административном процессе суды одинаково видят меры процессуальной ответственности. Так, взыскание с осужденного процессуальных издержек судебная практика относит именно к мерам процессуальной ответственности⁶, а применительно к административному процессу – взыскание с административного ответчика судебных расходов⁷. Обоснованность столь широкого подхода к пониманию содержания процессуальной ответственности вы-

зывает сомнения, поскольку в данном случае неясно, что выступает фактическим основанием привлечения к процессуальной ответственности. Если в административном процессе положения ч. 1 ст. 111 КАС РФ еще как-то позволяют говорить о том, что состоявшееся в пользу одной из сторон решение суда (иными словами, проигрыш дела) выступает фактическим основанием для возложения на эту сторону судебных расходов, понесенных другой стороной (что, как видно из приведенного выше примера, воспринимается судами как мера процессуальной ответственности), то в уголовном процессе аналогичных правовых норм нет. В такой ситуации невозможно говорить о том, что обвиняемый, в отношении которого постановлен обвинительный приговор, в силу чего он стал осужденным, совершил какое-то процессуальное правонарушение (в данном случае – проиграл дело).

Именно этот пример наглядно демонстрирует отрицательные последствия, вызванные отсутствием в законодательстве и в правоприменении, в первую очередь на уровне Пленума Верховного Суда РФ, единого определения процессуальной ответственности, а также ее содержания и порядка реализации, включая четко обозначенные меры ответственности.

Как можно заметить, в административном процессе регулирование процессуальной ответственности носит более конкретный и системный характер по сравнению с уголовным судопроизводством, поскольку составы процессуальных нарушений и предусмотренные за них процессуальные санкции непосредственно в тексте закона сформулированы четко. Важно и то, что сам принцип ответственности закреплен в ч. 7 ст. 45 КАС РФ: «недобросовестное заявление неосновательного административного иска, противодействие, в том числе систематическое, лиц, участвующих в деле, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела, а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах влечет за собой наступление для этих лиц последствий, предусмотренных настоящим Кодексом». Между тем понятие «злоупотребление процессуальными правами» не только отсутствует в тексте УПК РФ, но и в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 оно «замаскировано»

5 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Никитенко Алексея Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 258 и пунктом 3 части пятой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 106-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 256 и 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 № 795-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Таирова Эльдара Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 16 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой и частью третьей статьи 389.12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2281-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2019 № 66-АП/19-20 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 16.12.2022 № 66а-2190/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

под термин «явно недобросовестное использование правомочий».

Таким образом, сферы законодательного регулирования и судебного правоприменения дают плодотворную почву для взаимного сближения и унификации института процессуальной ответственности в уголовном и административном судопроизводстве.

КОНКУРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Тождественные правоотношения должны регулироваться единообразно. Никто из процессуалистов не спорит, что институт отводов в любом виде судопроизводства построен на единых началах. Институт тайны совещания судей тоже един для всех видов процесса. В этом смысле процессуальная ответственность как межотраслевой правовой институт должна базироваться на единых принципах, едином механизме реализации. Наглядно это суждение можно проследить на примере того, как в уголовном и административном судопроизводстве решается вопрос о конкуренции процессуальной ответственности за нарушение порядка в судебном заседании с другими видами ответственности, в частности уголовной и дисциплинарной.

Так, если противоправность действий лица, которыми нарушен порядок в судебном заседании, выходит за чисто процессуальные рамки, например, в случае оскорбления участников процесса или судьи, то, помимо привлечения к процессуальной ответственности посредством применения санкции в виде удаления из зала судебного заседания, правонарушитель может быть привлечен и к уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ. Примеры из судебной практики показывают, что в этом случае уголовная и уголовно-процессуальная ответственность действуют параллельно, не исключая друг друга:

– подсудимые И.Е. и И.Н. в связи с высказыванием в адрес председательствующего судьи угроз и оскорблений были удалены из зала судебного заседания до судебных прений, а впоследствии за эти же действия привлечены к уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ⁸;

– подсудимый Д. за оскорбление судьи был удален из зала судебного заседания до окончания прений сторон, а после провозглашения приговора в отношении Д. возбудили уголовное дело по ч. 2 ст. 297 УК РФ⁹.

Аналогично в судебной практике решается и вопрос о конкуренции между уголовно-процессуальной и дисциплинарной ответственностью. Так, гражданин Г., находясь под стражей в следственном изоляторе, принимал участие в судебном заседании по уголовному делу посредством видео-конференц-связи. В ходе заседания он начал выражаться нецензурно в адрес судьи. На замечания сотрудников следственного изолятора не реагировал. В результате его участие в заседании было прекращено. Помимо этого, администрация следственного изолятора применила к Г. меру дисциплинарного взыскания в виде водворения в карцер, а органы предварительного расследования возбудили уголовное дело по ст. 297 УК РФ. Г. обжаловал применение к нему дисциплинарного взыскания в административном порядке. Суды первой и апелляционной инстанции в иске отказали. Суд кассационной инстанции жалобу Г. удовлетворил и отменил решения нижестоящих инстанций. Как указал суд кассационной инстанции, действия, за которые Г. был водворен в карцер, имели объектом посягательства не порядок и условия содержания под стражей, а установленный порядок в судебном заседании, соответственно, вопрос о применении в отношении него мер воздействия подлежал разрешению судьей в рамках ст. 258 УПК РФ. Однако с этим решением не согласилась Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, которая отменила определение кассационной инстанции и указала, что привлечение к дисциплинарной ответственности лиц, подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, преследует отличную от иных видов ответственности цель: обеспечение установленного законом режима в местах содержания под стражей, следовательно, конституционный принцип «нет двойного наказания за одно и

⁸ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 № 77-2738/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2024 № 77-1949/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

то же правонарушение» не может безусловно распространяться на законодательство о привлечении названных лиц к дисциплинарной ответственности¹⁰. В приведенном примере суд основал свои выводы на том, что привлечение лица к дисциплинарной ответственности имеет отличные от других видов ответственности (в том числе процессуальной) объекты охраны и цели, поскольку направлено на ухудшение условий его содержания в соответствии с режимом исправительного учреждения.

В другом административном деле по аналогичному иску суд кассационной инстанции, соглашаясь с решениями нижестоящих судов, отказавших в иске, указал, что действия, за которые административный истец был водворен в карцер, имели объектом посягательства не только установленный в судебном заседании порядок, но также порядок и условия содержания под стражей, а потому он правомерно привлечен к дисциплинарной ответственности¹¹.

В том случае, когда административный истец, участвуя в административном судопроизводстве посредством видео-конференц-связи из следственного изолятора или исправительного учреждения, допускает грубое нарушение порядка в судебном заседании, к нему в первую очередь применяются меры процессуальной ответственности. Например, административный истец К., участвовавший в судебном заседании суда кассационной инстанции по административному делу путем использования системы видео-конференц-связи, заявляя отвод составу судебной коллегии, грубо нарушал порядок в судебном заседании, допускал оскорбительные реплики в отношении судебной коллегии, в том числе после объявления замечания, в связи с чем был удален из зала заседания

на все время судебного заседания¹². В другом деле в связи с грубым нарушением административным истцом порядка в судебном заседании суда апелляционной инстанции он был отключен от видео-конференц-связи на все время судебного заседания¹³.

То есть факт привлечения лица к процессуальной ответственности не препятствует дальнейшему привлечению его к дисциплинарной ответственности, если будут установлены признаки дисциплинарного правонарушения, либо к уголовной ответственности – при наличии признаков состава преступления.

Вопрос об ответственности лиц, участвующих в судебном заседании посредством видео-конференц-связи из исправительного учреждения или следственного изолятора, не является единственным, по которому уголовная и административная судебная практика придерживаются схожих позиций. Поскольку он носит межотраслевой характер, то, как и многие другие вопросы процессуальной ответственности, его невозможно решить в рамках только административного или только уголовного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что вынесенная в заглавие статьи проблема перспектив интеграции процессуальной ответственности в уголовном и административном процессе может и должна решаться положительно. Для этого есть как предпосылки в сфере сущего – законодательное закрепление в КАС РФ принципа процессуальной ответственности сторон и наличие достаточно проработанной системы процессуальных составов и санкций, так и предпосылки в сфере должного – теоретические наработки в области процессуальной ответственности в общей теории права и науке уголовного процесса.

10 Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 02.03.2022 № 51-КАД21-12-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 № 88А-18864/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2023 № 88А-18137/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 Апелляционное определение Иркутского областного суда от 26.05.2022 № 33а-4148/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бученков Г.А. Юридическая ответственность государства (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г.А. Бученков. – Москва, 2021. – 184 с.
2. Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве / Г.Н. Ветрова. – Москва, 1991. – 160 с.
3. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А.Р. Шарипова. – Нижний Новгород, 2022. – 62 с.
4. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Москва, 1995. – 320 с.
5. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Чуклова. – Краснодар, 2009. – 28 с.
6. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград, 1976. – 143 с.
7. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 137 с.
8. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики) / З.З. Зинатуллин. – Казань, 1981. – 136 с.
9. Кудин Ф.М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф.М. Кудин. – Свердловск, 1987. – 442 с.
10. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига. – Воронеж, 1984. – 191 с.
11. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г.Н. Ветрова. – Москва, 1987. – 111 с.
12. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1994. – 395 с.
13. Тарасов А.А. Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Тарасов. – Самара, 2001. – 417 с.
14. Тарасов А.В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Тарасов. – Волгоград, 2004. – 204 с.
15. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.С. Вепрев. – Челябинск, 2006. – 265 с.
16. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография / П.П. Серков. – Москва, 2012. – 480 с.
17. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Д.Г. Нохрин. – Москва, 2006. – 30 с.
18. Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2007. – 784 с.
19. Макарейко Н.В. Мониторинг административно-процессуальной ответственности / Н.В. Макарейко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. – 2019. – № 1. – С. 138–142.

REFERENCES

1. Buchenkov G.A. Legal Liability of the State (Theoretical and Legal Aspect). *Cand. Diss.* Moscow, 2021. 184 p.
2. Vetrova G.N. Sanctions in Judicial Law. Moscow, 1991. 160 p.
3. Sharipova A.R. Conceptual Foundations of Interbranch Convergence in Judicial Proceedings in Criminal Cases. *Doct. Diss. Thesis.* Nizhny Novgorod, 2022. 62 p.
4. Alekseev S.S. Theory of Law. Moscow, 1995. 320 p.
5. Chuklova E.V. Concept, Grounds and Types of Procedural Liability. *Cand. Diss. Thesis.* Krasnodar, 2009. 28 p.
6. Elkind P.S. Goals and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedural Law. Leningrad, 1976. 143 p.
7. Kornukov V.M. Measures of Procedural Coercion in Criminal Proceedings. Saratov, 1978. 137 p.
8. Zinatullin Z.Z. Criminal Procedural Coercion and Its Effectiveness (Theoretical and Practical Issues). Kazan, 1981. 136 p.
9. Kudin FM Theoretical Foundations of Coercion in Soviet Criminal Procedure. *Doct. Diss.* Sverdlovsk, 1987. 442 p.
10. Kovriga ZF Criminal Procedural Liability. Voronezh, 1984. 191 p.
11. Vetrova GN Criminal Procedural Liability. Moscow, 1987. 111 p.
12. Olkov SG Criminal Procedural Offences in Russian Legal Proceedings. *Doct. Diss.* Tyumen, 1994. 395 p.
13. Tarasov A.A. Legal and Socio-Psychological Problems of Combining Individual and Collegial Principles in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Doct. Diss.* Samara, 2001. 417 p.
14. Tarasov A.V. Coercion and Liability in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Volgograd, 2004. 204 p.
15. Veprev V.S. Grounds for Criminal Procedural Liability. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2006. 265 p.
16. Serkov P.P. Administrative Responsibility in Russian Law: Modern Understanding and New Approaches. Moscow, 2012. 480 p.
17. Nokhrin D.G. State Coercion in Civil Proceedings. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2006. 30 p.
18. Treushnikov M.K. (ed.). Civil Procedure. 2nd ed. Moscow, 2007. 784 p.
19. Makareyko N.V. Monitoring of Administrative/Procedural Responsibility. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Pravo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Law*, 2019, no. 1, pp. 138–142. (In Russian).
20. Guskova A.P., Muratova N.P. Judicial Law: History and Modernity of the Judiciary in the Field of Criminal Proceedings. Moscow, 2005. 176 p.
21. Kashtanova N.S. On Some Aspects of the Application of a Monetary Penalty as Another Measure of Criminal Procedural Coercion: Theory, Practice, Foreign Experience. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2024, no. 4, pp. 30–34. (In Russian).

20. Гуськова А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография / А.П. Гуськова, Н.П. Муратова. – Москва, 2005. – 176 с.

21. Каштанова Н.С. О некоторых аспектах применения денежного взыскания как иной меры уголовно-процессуального принуждения: теория, практика, зарубежный опыт / Н.С. Каштанова // Российский судья. – 2024. – № 4. – С. 30–34.

22. Зеленцов А.Б. Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права / А.Б. Зеленцов. – Москва, 2015. – 399 с.

23. Зеленцов А.Б. Судебное административное право : учебник / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов. – Москва, 2017. – 766 с.

24. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как средство защиты административного процесса / Е.В. Чуклова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 57–61.

22. Zelentsov A.B. Administrative Justice. General Part. Theory of Judicial Administrative Law. Moscow, 2015. 399 p.

23. Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. Judicial Administrative Law. Moscow, 2017. 766 p.

24. Chuklova E.V. Procedural Responsibility as a Means of Protection of the Administrative Process. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2016, no. 3 (37), pp. 57–61. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спиридонов Михаил Сергеевич – кандидат юридических наук, судья.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Spiridonov Mikhail Sergeevich – Candidate of Sciences (Law), Judge.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 23.12.2024.
The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 23.12.2024.